

«Братство» Вернадского

Дружба – единомыслие относительно прекрасного и справедливого; свободный выбор сходной жизни; согласованность мнений относительно свободного выбора и мнений; единомыслие относительно образа жизни; доброжелательное общение; соучастие в благих делах и в испытаниях.

Платон. Определения

О Братстве Вернадского, организованном не им, а братьями Ф.Ф. и С.Ф.Ольденбургскими, но вошедшем в историю – и справедливо – под его именем, сейчас уже достаточно известно. О нем и его истории много написано: достаточно назвать имена Г.П.Аксенова, В.М.Борисова, Ф.Ф.Перченка, А.Б.Рогинского, М.Ю.Сорокиной, Р.М.Фрумкиной и др. Было защищено несколько диссертаций, одна из них специально посвящена истории Братства (С.А.Еремеева. Приютинское братство¹ как феномен интеллектуальной культуры России последней трети XIX – первой половины XX в.). Прделаны большие изыскания в поисках идейных истоков Братства: ранних славянофилов, Ф.М.Достоевского, В.С.Соловьева, Л.Н.Толстого, П.Я.Чаадаева, даже В.Фрея (В.К.Гейнса). Подчеркивалось особое духовное родство членов Братства, включившего в себя «три поколения»², что является важным моментом для понимания его замысла.

Мне же хотелось бы обратить внимание на особое понимание Братства, исходящее не просто из общероссийской ситуации, когда кружками, партиями и религиозными объединениями мало кого можно было удивить, но из идеи, которую хотел придать Братству именно В.И.Вернадский, что, кажется, не было достаточно осмыслено ни членами Братства, ни последующими его исследователями.

Для этого надо рассмотреть то, как обычно представляется Братство. А оно считается и собирателем общих черт русской интеллигенции, и чисто духовным союзом, и политическим объ-

единением, искавшим некий третий путь между революцией и реакцией. Разумеется, исходно – в начале 80-х годов XIX в. – оно сложилось из близких друзей, студентов Петербургского университета. Но когда оно оформилось к 1886 г., в него входила группа из 22 человек – студентов и курсисток. В их число, помимо изначального костяка (братьев Ф.Ф. и С.Ф.Ольденбургов, Д.И.Шаховского, В.И.Вернадского, И.М.Гревса, А.А.Корнилова и их жен), входили Н.И.Аматуни, впоследствии чиновник особых поручений при министре торговли и промышленности, В.В.Водовозов – юрист и общественный деятель, подвергавшийся репрессиям царского правительства, эмигрировавший после социалистической революции, С.Е.Крыжановский, последний государственный секретарь Российской империи А.С.Зарудный – адвокат, министр юстиции Временного правительства, его жена, и др.³ Предполагалось вовлечь в Братство еще 15 человек, среди которых были историки-академики М.А.Дьяконов и А.С.Лаппо-Данилевский.

Совершенно очевидно, что для молодых интеллигентов конца XIX в. вопросы «что нам делать и как нам жить?», прозвучавшие в программном документе Братства, были не праздными, как и утверждение «так жить нельзя»⁴. Подразумевалось, что нельзя жить насилием, которое исповедовала русская молодежь до события 1 марта 1881 г. – убийства царя, «когда революционная пропаганда выглядела явно неуместной, торжество власти казалось отвратительным»⁵. Каждый должен был решать нравственную проблему лично. Это «МНЕ необходимо зажить как-то иначе», говорил Шаховской, а потому нужно образовать «братство как свободное и любовное объединение людей, преследующих одни цели и работающих вместе»⁶. Внутреннюю связь членов Братства подчеркивали многие. Вместе с тем его цели должны быть обращены не только на воссоздание прошлого (традиции), оно, по мысли Вернадского, должно быть заново и осознанно выстроено, именно необходимость этой выстроенности понималась далеко не всеми членами Братства. Вернадский писал о М.С. и И.М.Гревсах, своих надежных друзьях, что «они совершенно никуда не годятся как строители братства <...> мы теперь должны **работать!** над выполнением, осторожно, но упорно и **сознательно**, того, что мы считаем в жизни хорошим»⁷.

Естественно и изначально нравственному кризису было противопоставлено «единение в Братстве», поскольку, как полагал Шаховской, «одному нельзя жить среди людей», чья жизнь бессмысленна и чьей жизнью ты решил не жить⁸. Шаховской давал объяснения, исходя из факта невозможности жить в одиночку, где каждый мог быть раздавлен государственной машиной, и из идеи единомыслия. Почти с начала существования Братства, основанного на личной дружбе и родстве, на «представлении другого стоящим на прочном и симпатичном пути» и имеющим «нечто общее в убеждениях»⁹, Вернадский пытался придать ему всеобщей исторический характер, поскольку ставил вопрос не просто о воссоздании общинных, кровно-родственных отношений, которые способны «породить хорошую идейную атмосферу»¹⁰, но о представлении Братства как ядра новой культуры, как зародыша того, что способно образовать новый мир. Это и был тот третий путь, о котором было сказано выше.

Можно, конечно, согласиться с тем, что эта идея Братства похожа на утопию человеческой самореализации¹¹, тем более, что имение Приютино, место предполагаемого сбора «братьев», не было куплено, и в этом смысле Братство места не имело, то есть было у-топично. Но оно основывалось, повторю, по мысли Вернадского, на принципе, что человек – существо творческое, попытка создать некие новые условия для усовершенствованной жизни не называется утопией, а называется сотворением культуры, как и называл это Вернадский. Речь шла об идее создания такой культуры, а всякая идея – это такая форма мысли, которая требует четкого осознания целей и стремления к их практическому осуществлению. Это, разумеется, не утопия.

Можно, опять же, назвать утопией допущение, что совершенный социум непременно повлечет за собой и совершенную мораль, хотя такое допущение скорее нелогично, нежели утопично, поскольку идеи морали, входя в жизнь общества на правах регуляторов, не обладают конститутивной функцией. Речь могла идти о правилах трансляции знаний, о возможности их усвоения, но не о неизбежности такого усвоения.

Такие допуски шли, однако, в русле размышлений конца XIX – начала XX вв. Через некоторое время сходные идеи будет высказывать А.А.Богданов, человек, принадлежавший марксистскому

лагерю, который считал, что с помощью переливания крови можно перелить и моральные представления, которые создадут нравственно единокровных людей. Изыскания в «школе Гревса» «среднего человека», против которого сам Гревс, правда, восставал, хотя и исследовал ментальность определенного общества на деле той же природы. Однако у Вернадского такой нелогизм покоился, повторим, прежде всего на принципах сотворения культуры, которая строилась на не-естественном отборе, необходимо включавшем в себя условие морального усовершенствования. И, хотя это специально не оговаривалось, но молчаливо предполагалось, что всякий, не принимавший такого условия, покидает Братство. Это, кстати, может служить объяснением того, что многие из первоначально входивших в состав Братства через некоторое время покинули его. Культура же, как скажет чуть позже М.М.Бахтин, осуществляется на границах, у нее нет своей территории. Поэтому не имеет значения, куплено было Приютино или нет. Поэтому же представления о «коллективной личности» Братства вступали в противоречие с его же ориентацией на «полную внутреннюю свободу». Такие вербально выраженные противоречия (вряд ли логические противоречия, поскольку изначально, судя по составу Братства, под словами «коллективная личность» понималось объединение личностей, обладающих внутренней свободой), можно отнести, с одной стороны, на счет необыкновенной молодости «братьев», а с другой – к ситуации обсуждения, диалога, к которому они были готовы как к средству, не дающему готовых решений.

В исследовательской литературе Братство большей частью романтизируется, чему способствует удивление перед новизной такого предприятия. О противоречиях в его недрах пишется мало, хотя Вернадский иногда едва сдерживается, видя «узость мировоззрения» своих друзей. У него наиболее трезвый взгляд и жесткость в постановке вопроса о деле Братства¹². Он считал «логически неверным» противопоставление двух видов деятельности «братьев» – политической и земской, куда входила и работа по нравственному самоусовершенствованию, и конкретная помощь людям, создание библиотек, организация кооперативов, научных школ и пр. Он полагал, что обе деятельности должны сосуществовать, что «воздержание от политической деятельности» есть тоже «своего рода политическая деятельность». Действия социал-

демократов в Германии¹³, считал он, обнаруживают, что при наличии «живого конкретного общего дела» политическое перед ним не отступало.

С самого начала Вернадский полагал, что наряду с нравственными и социальными задачами, «**необходимо** создание партии», для которой «нужны не расплывчатые общие положения, а категорические, немногие, ясно определенные положения». Это он писал в 1889 г.¹⁴. Вопреки предположениям, что политика возникла в Братстве случайно, Вернадский «считал вредным и ненужным выставление работы другого рода», чем партийная¹⁵. По-видимому, это его требование было положительно воспринято в Братстве, что во многом объясняет вступление многих членов Братства в конституционно-демократическую (кадетскую) партию, хотя все они и помимо этого были значительными персонами. Из шестерки постоянных членов Братства пятеро были гуманитариями. Федор Федорович Ольденбург (1861–1914) заведовал после окончания историко-филологического факультета Петербургского университета учебно-воспитательной частью женской учительской школы в Твери, участвовал в работах земских съездов по народному образованию; его брат Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) являлся одним из основателей русской индологической школы, академиком, ученым секретарем Академии наук в 1904–1929 годах, а до 1917 г. был активным членом кадетской партии, депутатом I Государственной Думы и министром народного просвещения Временного правительства; выпускником историко-филологического факультета был князь Дмитрий Иванович Шаховской (1861–1939). Земский деятель, один из лидеров кадетской партии, он участвовал в кооперативном движении, спасал Москву от голода в 1921 г., был арестован в 1938 г. и расстрелян в 1939 г.; Иван Михайлович Гревс (1860–1941), тоже выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, медиевист, создавший свою школу историков и философов, которая иногда называется «русско-французской школой», предшественницей «Анналов». После установления советской власти в 1921 г. организовал научно-исследовательский экскурсионный институт и краеведческое движение. Историю он определял как вероятностную науку, предметом которой является человеческая культура, сосредоточенно выраженная в личности. Именно эта идея лежала в основе деятельности Брат-

ства. За либеральную деятельность его преследовали как царское, так и советское правительства: изгоняли из университета, ссылали. Он также был кадетом. Юрист и историк Александр Александрович Корнилов (1862–1925) занимался историей крестьянской реформы и общественного движения, был одним из организаторов кадетской партии и ее секретарем в 1905–1908 и 1915–1917 гг. Разгон исторической науки после революции 1917 г. в немалой степени был связан с тем обстоятельством, что в кадетской партии было много историков.

Из этой шестерки лишь Вернадский официально считается «естественником» – биогеохимиком и кристаллографом, хотя вся его теоретическая база покоится на идее жизни, человеческой истории и личности, на идее культуры. И не наоборот. Вся его практическая деятельность, к которой относится и строительство Братства, обусловлена этой же гуманитарной идеей. Крупный ученый, он был и одним из самых деятельных членов кадетской партии. «Дневник» дает полнейшее представление о совмещении им разных общественных и профессиональных обязанностей. Его разнообразные наблюдения за политическими процессами, происходящими в стране, оценки деятельности друзей, перечень деловых поездок, обедов, заседаний в ЦК партии кадетов, обдумывание корней большевизма (в населении, черни, толпе), то и дело прерываются размышлениями о науке, такими, например, сводками: «работал над сероводородом», «читал кое-что с выписками о сероводороде», «работал над корректурой и много делал в связи с работой о сероводороде»¹⁶.

Именно такое твердое следование своим целям, активность и неустанный самоконтроль определили его лично заинтересованное участие в судьбах его друзей и их семей, прежде всего расстрелянного Шаховского.

Цель Братства Вернадский видел «в бесконечном творческом акте, в бесконечной силе Духа». В этом понимании творческого начала ему был близок Анри Бергсон (1859–1941). Некоторые исследователи (Борисов, Перченков, Рогинский, Аксенов) совершенно справедливо видят в так поставленной цели объяснение «источников концепции ноосферы» Вернадского¹⁷. К такому же выводу пришел и Вяч. Вс. Иванов, связавший «эволюцию ноосферы и художественное творчество»¹⁸. Уверенность в бесконечном

творении Природы и человека оказались «предчувствием социальной организации ноосферы», учение о которой было создано и обсуждалось в «братском» кругу. Этот «незримый колледж»¹⁹, начиная с середины 30-х годов XX в., соединил в себе три потока: естественнонаучный, гуманитарный и практический опыт Братства. «В ноосфере наука должна воздействовать на поведение людей и народов <...> В ноосфере все решает культура <...> Россия, как синтез запада и востока, настоящий арбитр мира. Это понял Чаадаев. Но пока не поняли мы. Если мы это поймем, то Пушкин и наука победят и Гитлера, и войну, и капитализм и водворят ноосферу не только в книгах и в умах нескольких ученых, а в ведущих силах нашей планеты», – писал Шаховской²⁰ в 1937 г. Книга Вернадского «Научная мысль как планетное явление» опубликована год спустя.

Мы, однако, хотели бы подчеркнуть нечто обратное: не успехи геологии или минералогии привели к идее ноосферы, а сознательная переорганизация самой антропосферы стала фундаментом этой идеи. Это значит, что идею ноосферы нельзя рассматривать только как естественнонаучное понятие, она изначально Вернадским рассматривалась как сфера культуры. «Мы коснулись правды», резюмировал Вернадский, определяя ноосферу как новое геологическое явление на планете, где человек впервые становится крупнейшей геологической силой, трудом и мыслью перестраивающей жизнь. Обратим внимание: не геология вобрала в себя человека как великую силу, а сам человек становится такой силой, воздействующей на саму биосферу.

Каковы, однако, истоки этого учения, накрепко связанного к тому же с гражданской позицией? Можно обратить внимание на такой факт. Будучи в командировке в Париже в 1889 г., Вернадский читал многих древних философов, в том числе Аристофана и Платона. Наряду с прочими, он проштудировал 12 томов Платона. Он читал и те сочинения Платона, в которых политическая (политическая) деятельность рассматривалась как деятельность гражданская. Мысль о влиянии Платона на Вернадского возникла в разных работах о нем, но ее в основном связывали с обширностью интересов Вернадского. Эта мысль, однако, фокусирует в себе целое жизни и учения, принципы которого во многом заданы греческим философским импульсом.

Основание связывать идею ноосферы с идеями Платона дает прежде всего понятие «нус» – «ум», одно из основных у Платона. А Вернадский говорит: «Я почувствовал в себе демона Сократа»²¹.

В 1890 г. он пишет жене, что читает, наряду с другими древними книгами, «иные диалоги Платона» «для задуманной мною истории научных идей»²². Сам термин – идея – оказался завораживающим. «Одна сила и одна мощь – идея. Я теперь читаю Платона»²³.

Наблюдение о Платоне сделал Вяч.Вс.Иванов в статье «Эволюция ноосферы и художественное творчество»²⁴. Но на влияние платоновской (идеалистической!) мысли на Вернадского обратили внимание значительно раньше, в 20-е годы XX в. Ученый-марксист И.Буря-Бугаев в 1923 г. написал книгу «Материализм в естествознании». Отрывки из нее перепечатаны в книге «В.И.Вернадский: pro et contra» под названием «Идеалистическая реакция в биологии (“Начало и вечность жизни” академика Вернадского)». В агрессивном ироническом тоне Буря-Бугаев отметил, что Вернадский поставил проблему «загадки жизни» как проблему, не имеющую корней ни в философии, ни в религии. Почему же, издевательски пишет он, Вернадский считает, что такой постановки вопроса не было, хотя Аристотель давал «самые разнообразные» ответы на вопросы, что такое биогенез, гетерогенез, археогенез? Потому что, по мнению Вернадского, прежде сама жизнь объявлялась «частным проявлением других тел природы, частным проявлением материи»²⁵. Вопрос, однако, был поставлен через полтысячелетия после Аристотеля «другим великим философом древности и великим учителем жизни <...> Платином (204–269), который видел в биогенезе, непрерывном зарождении организма от других организмов <...> величайшую тайну природы, самое глубокое проявление в ней *божественности*»²⁶, то есть в той самой религии, которой, на взгляд Бури-Бугаева, Вернадский отказал в постановке вопроса о загадке жизни и тем самым ввел в заблуждение читателей. Если оставить в стороне глубочайший скепсис марксистско-ленинского образца 20-х годов XX в., то нельзя отказать Буре-Бугаеву в проницательности, которую не проявил ни один неангажированный ученый, ибо платонизм действительно лежал в основании и «братских» идей, и учения о ноосфере.

Идея как таковая заставляла членов Братства твердо следовать по «прочному» пути. Это мысль Платона: мужественно следовать за мыслью туда, куда бы она ни привела, и это были первые ростки

открытого общества. Идея приводила к разнообразию воплощения путей Братства: С.Ф.Ольденбурга – к организации науки, прежде всего востоковедения, его брата – к организации народного просвещения, Шаховского – к кооперации, Гревса – к восстановлению генезиса эпох через идею культуры, а Вернадского – к ноосфере.

Идея организации братства-дружества явно напоминает идеи Платона, размышлявшего об этом в диалоге «Лисид». Вернадский, прочитавший 12 томов Платона, вряд ли прошел мимо этого диалога, посвященного именно идее дружества, суть которого в том, что главное в дружбе – цель: стремление к благу. Не само дружество – благо, а его ориентация на достижение блага. Это во многом объясняет и то желание внутренней свободы каждого члена братства, и те колебания, которые охватывали и самых упорных членов Братства относительно необходимости его существования. У Вернадского есть запись в «Дневнике», свидетельствующая о том, как мало значит простая благонамеренность. Он не выносил бессодержательных, хотя и «культурных» разговоров²⁷.

Братство покоилось не только на благих намерениях, но и на уверенном знании, о котором говорит Сократ в Платоновом диалоге «Демодок» и что демократу Вернадскому было очень близко. Сократ скептически рассматривает важнейший институт афинской демократии – совет, в котором решения принимаются путем голосования. Бессмысленно выносить вердикт о природе знания, если все ради этого собравшиеся не знают дела в одиночку. Сократ полагает, что в основании любого решения должно лежать суждение знатока, в противном случае народу можно софистически расставить ловушки.

Мир Платоновых идей, родителем которых является ум-нус, предполагает не некое только мысленное существование, но существование в самых обыденных вещах, получающих имя идей через приобщение к ним – такова их сила. Вопрос о существовании идеи как единого предполагает множественность существования, или «сферу» существования, руководимую умом как приносящим пользу (Менон 88 d), умом-устроителем, помещающим всякую вещь там, где ей лучше всего находиться (Федон, 97 c), умом как причастным – наряду с движением, жизнью и душой – совершенному бытию (Теэтет, 248 e). Эти мысли, весьма близкие Вернадскому, мы старались проявить.

Сократ у Платона ставит вопрос о том, может ли ум как нечто живое, как око бессмертной души обращаться к тому, что составляет «грязь» в мире, из которой ум, пользуясь знанием, извлекает лучшее, направляясь к началу (Государство 533 d). Определение Вернадским живого вещества можно назвать комментарием к этому месту Платона, поскольку он писал, что «в состав живой материи – организма – неизбежно должны вносить безжизненную материю – трупы, отбросы, выделения, экскременты, прилегающие части воздуха, воды, почвы»²⁸. Мы даже «имеем право делать это с логической точки зрения», то есть с точки зрения той «эпистемы», о которой говорил Платон.

Шаховскому принадлежит обращение «к профессору, академику, великому ученому и организатору науки – Фаусту, живущему на земле под псевдонимом В.И.Вернадского»²⁹, которое часто принимается только и исключительно как апологетическое. Дело, однако, не в апологии. Шаховской назвал Вернадского Фаустом, то есть ученым, связавшимся с Мефистофелем, занятым наукой как расчетом, но «по-людски ли все это делается <...> передается ли кому-нибудь эта работа высших обобщений и общего обозрения во все стороны из общего центра как осмысленное, живое, органическое целое. *Сомневаюсь в этом*»³⁰. Шаховской сомневался в существовании наследников: «Кто наследует все это сокровище одного охвата? Конечно, все сделанное не пропадет для науки и протянется по всей ее [науки] ткани ниточки, выпряденные в этой духовной мастерской»³¹. Но хотя сам Вернадский еще раньше писал о необходимости создать «идеал единой космической организации человечества через государство»³², Шаховской полагает, что «это все *не живое, человеческое, общечеловеческое творчество*, каким должно было бы быть делание двигателей знания»³³. Этой оценки, как правило, не замечают исследователи, с воодушевлением цитирующие упомянутое высказывание Шаховского.

Он между тем имеет в виду, что Вернадский «недооценивает внутреннего восприятия разумом мира, высшей обобщающей силы души, силы, которая, конечно, тесно связана с суммой научно познанного, но все же является *самостоятельным источником знания*»³⁴. Поклонение науке неприемлемо для Шаховского, она для него – не живое, а отвлеченное дело. Не исключено, что в своей оценке он основывается на Записке о выборе члена акаде-

мии по Отделу философских наук, поданной 20 ноября 1928 г. (но опубликованной ровно через 60 лет). Речь в ней идет о различии между наукой и философией. «Наука одна и едина. Ее установления в конечном своем развитии общеобязательны <...> В резком отличии от науки, общеобязательности достижений нет в философии <...> не было в истории человеческой мысли, когда бы в ней существовала одна единая философия»³⁵. На первый взгляд, могло показаться (Шаховскому и показалось), что Вернадский отдает приоритет науке. Но дальше Вернадский высказывает мысль о взаимодополнительности науки и философии в XX в., когда научная мысль продуцирует «новую творческую работу философской мысли», осуществляющую пересмотр старых оснований, диалог с философией Востока, связь с религиозными исканиями – мысль, свидетельствующую о том, что Шаховской не вполне понял представление Вернадского о науке. Чего стоит одна только фраза: «Если ход научного знания будет идти с той же быстротой, скоро философские концепции Фомы Аквинского, Гегеля, Маркса и Энгельса (он выстраивает ряд философов, совершенно невозможный для тотализующейся советской власти. – С.Н.) одинаково окажутся устарелыми и далекими от современности и не смогут никакими поправками быть сохранены живыми»³⁶. Платон в свое время взывал к мужеству философа, который должен идти за мыслью, куда бы она ни привела. Та же идея у Вернадского: «[Философское] движение только начинается – никто не знает, к чему оно приведет», но для него очевидно, что «характерной чертой нашего времени является возрождение и усиление идеалистических <...> течений»³⁷. Удивительно, что такие взгляды Вернадского не подверглись строжайшему остракизму в 30-е годы XX в.!

Сфера, сформированная умом-нусом, появилась не только как следствие наук «“о духовном” творчестве человеческой личности в ее социальной обстановке», «проблем психологии или логики», которые обусловили «искание основных законов человеческого научного познания, той силы, которая превратила нашу геологическую эпоху, охваченную человеком биосферу в естественное тело, новое по своим геологическим и биологическим процессам»³⁸. Она появилась как следствие состояний, лежащих за пределами науки и логики, – интуиции, вдохновения, творчества, чего как раз желал Шаховской, и была названа «умной сферой», ноосфе-

рой. Всерьез мы только сейчас, когда человек создал не только то, что Вернадский назвал «энергией человеческой культуры»³⁹, но и атомную, водородную и пр. энергию уничтожения, отдаем себе отчет, насколько серьезно это понятие.

Примечания

- ¹ Члены Братства хотели купить имение, которому они заранее дали имя. Покупка не состоялась, но имя Приютино приросло к имени Братства.
- ² См. примеч. 1 к: *Борисов В.М., Перченко Ф.Ф., Рогинский А.Б.* О социально-психологических источниках учения Вернадского о ноосфере // *Механизмы культуры*. М., 1990. С. 244.
- ³ Список приведен: там же. С. 244.
- ⁴ *Перченко Ф.Ф., Рогинский А.Б., Сорокина М.Ю.* Вступ. ст. к: *Шаховской Д.И.* Письма о Братстве // В.И.Вернадский: pro et contra. С. 246.
- ⁵ Там же. С. 247.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Вернадский В.И.* Письма Н.Е.Вернадской. М., 1988. С. 265.
- ⁸ *Перченко Ф.Ф., Рогинский А.Б., Сорокина М.Ю.* Вступительная статья к: *Шаховской Д.И.* Письма о Братстве. С. 247.
- ⁹ Письмо Д.И.Шаховского Ф.Ф.Ольденбургу от 8 ноября 1887 г. цит. по: *Борисов В.М., Перченко Ф.Ф., Рогинский А.Б.* О социально-психологических источниках учения Вернадского о ноосфере. С. 236.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ См.: *Еремеева С.А.* Приютинское братство как феномен интеллектуальной культуры России последней трети XIX – первой половины XX вв.: Автореф. дисс... канд. культурологии. М., 2007. С. 1.
- ¹² *Вернадский В.И.* Письма Н.Е.Вернадской. С. 94, 271.
- ¹³ См.: *Вернадский В.И.* Письма В.Е.Вернадской. С. 239.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921. Киев, 1994. С. 31, 41, 42.
- ¹⁷ См.: там же. С. 231, 247. См. также: *Аксенов Г.П.* «Личность есть драгоценнейшая, величайшая ценность» // В.И.Вернадский: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент. А.В.Лапо. СПб., 2000. С. 280.
- ¹⁸ См.: В.И.Вернадский: pro et contra. С. 281–299.
- ¹⁹ *Борисов В.М., Перченко Ф.Ф., Рогинский А.Б.* О социально-психологических источниках учения Вернадского о ноосфере. С. 242.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Ученый, мыслитель, гуманист. К 125-летию со дня рождения В.И.Вернадского. Отрывки из «Дневника. 1920 г.» // *Наука и жизнь*. 1988. № 3. С. 42.
- ²² Страницы автобиографии В.И.Вернадского. М., 1981. С. 93.
- ²³ Там же. С. 115.

- 24 В.И.Вернадский: pro et contra. С. 296.
25 Там же. С. 329.
26 Там же.
27 *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921. С. 27–28.
28 *Вернадский В.И.* Живое вещество. М., 1978. С. 178.
29 *Шаховской Д.И.* Письма о братстве // В.И.Вернадский: pro et contra. С. 252.
30 Там же. С. 253.
31 Там же.
32 *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921. С. 226.
33 *Шаховской Д.И.* Письма о братстве. С. 253. Курсив мой.
34 Там же.
35 *Вернадский В.И.* Записка о выборе члена Академии по Отделу философских наук // Филос. науки. 1988. № 4. С. 68, 69.
36 Там же. С. 70–71.
37 Там же. С. 71.
38 *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 130.
39 Там же. С. 132.